

ВЫСТАВКА ФОТОГРАФИЯ

Один из миллиарда Ай Вэйвэй в МАММ

В Мультимедиа Арт Музее (МАММ) открыта выставка «Ай Вэйвэй. Нью-Йорк. 1983–1993»: снимки предоставлены пекинским Three Shadows Photography Art Centre при поддержке НОВАТЭКа. Такое сильное впечатление от такой слабой фотографии никак не ожидала испытать АННА ТОЛСТОВА.

Ай Вэйвэй — теперь уже не просто самый знаменитый китайский художник, а номер один в рейтинге влияния журнала ArtReview, который весь мир искусства знает наизусть, как «Отче наш», — вызывает полярную реакцию. Одни считают его гением, героем, борцом с режимом, другие — жуликом, гением саморекламы и надувательства. Выставка его нью-йоркских фотографий, на первый взгляд, подтверждает точку зрения последних, а на второй — первых.

Из Пекина в Нью-Йорк Ай Вэйвэй, уже сделавший первые диссидентские шаги в сторону современного искусства, удрал при первой же возможности. Уезжал якобы учиться и провел в Нью-Йорке десять лет, с 1983-го по 1993-й, пока не пришлось вернуться домой по семейным обстоятельствам. Учебу бросил, где-то подрабатывал, а в основном болтался, все глубже проникая в андерграунд виллиджей, и вел что-то вроде фотодневника, снимая все подряд. От нью-йоркского периода сохранилось порядка 10 тыс. снимков на кодаковской пленке, методично подписанных: что, кто, где и когда сфотографировано. Из них на выстав-

С легкой руки директора МАММ Ольги Свибловой (на фото) нью-йоркский фотодневник Ай Вэйвэй и в Москве смотрится актуальным документом
ФОТО ВАСИЛИЯ ШАПОШНИКОВА

ект: профиль Марселя Дюшана, согнутый из проволочной вешалки, заполненный шелухой от семечек, — как тут не вспомнить фарфоровые семечки в Тейт. Но потом Ай Вэйвэй выйдет из галереи, из музея, из квартиры Аллена Гинзберга — и вот он уже самый обыкновенный. В прачечной, в метро, в парке аттракционов на Кони-Айленде, в массов-

се. А еще хеллоуины, дни святого Патрика,

ке — несколько сотен. Поначалу это зрелище очень утомительное: кажется, будто рассматриваешь все эти маловыразительные кадры (чему только он учился в своей Пекинской киношколе?) исключительно из уважения к последующим подвигам автора. Изредка попадетсЯ нечто интересное в художественном смысле. Скажем, забавная сценка, где колоритный седой негр с питоном на шее полулежит на асфальте, привалившись к стене, а рядом присел на корточки невзрачный белый проповедник и читает вслух из Библии; к проповеди оба, негр и питон, остаются абсолютно равнодушны. Но в целом все случайно, фрагментарно, нерепортажно, черт знает как.

Говорят, архив Ай Вэйвэя — бесценный источник по истории американской контркультуры. Действительно, он, например, подружился с Алленом Гинзбергом и был вхож в его дом, запечатленный вместе с хозяином в мельчайших подробностях. Он снял беспорядки в Томпкинс-сквер-парке, откуда полиция выгоняла бомжей, а за них вдруг встал горой весь Ист-Виллидж, самоотверженно полезший под полицейские дубинки. Ай Вэйвэй вообще часто снимал акции протеста (скажем, сидячую забастовку врачей в защиту больных СПИДом или антирасистский митинг в поддержку Таваны Броули), беспорядки, аресты, полицейских — в этом можно угадать его будущий политический темперамент. А также виллиджских нищих с собаками, бездомных, попрошайек, проституток, уличных музыкантов, трансвеститов, в том числе первые «Вигстоки», трансвеститские фестивали в Томпкин-

китайские Новые года, модные ресторанчики, клубы, галереи Сохо, мастерские, граффити, трущобы. Но примерно половина снимков — это китайцы в Нью-Йорке.

Часто место действия — обшарпанная квартира на East 3rd Street, заваленная матрасами для сна, через которую прошла, судя по всему, чуть ли не вся китайская богема его поколения, прибывавшая сюда, как в санаторий на реабилитацию, залечивать травмы «культурной революции». Чьи-то имена нам известны: режиссер Чэнь Кайгэ, композиторы Тань Дунь и Чжоу Лун, художники Сюй Бин, Ван Гунсинь, Се Дэцзин и Лю Сяодун... Большинство имен совершенно ничего не говорит, но это тоже какие-то художники, режиссеры, актеры, музыканты, поэты, диссиденты. Полчища китайцев, все для европейского глаза на одно лицо, и Ай Вэйвэй — одно из этих лиц, в Нью-Йорке он постоянно снимает сам себя: на улице, в метро, в кровати, на горшке, в галерее — десятки кадров.

Нет, конечно, теперь-то мы выделяем из этой китайской массы лицо Ай Вэйвэя, в начале своих нью-йоркских каникул — очаровательного, юношески пухленького и с пышной шевелюрой, в конце — осунувшегося и коротко подстриженного. Особенно легко выделяем, когда Ай Вэйвэй предстает в роли художника. Вот он в МоМА подле известного портрета Энди Уорхола 1966 года: повторяет его жест, поднося два пальца к губам. Вот его первая персональная выставка — в галерее Этана Коэна: на одной из работ виднеется ленинская голова, похоже, тогда он занимался соц-артом. Вот его ранний объ-

ке на сцене метрополитен, куда нагнали таких же изображать китайцев в «Турандот», благо гримировать особо не надо. Совершенно слился с соплеменниками.

Тут невольно ловишь себя на мысли, что мы, наверное, точно так же смотрим сейчас на, допустим, таджикскую диаспору в Москве, как ньюйоркцы смотрели на этих китайцев: чужие, все на одно лицо, ишь, понаехали. И полицейских, на которых камера Ай Вэйвэя всегда смотрит настроенно, здесь не случайно так много: видно, ньюйоркская полиция любила этих китайцев так же, как наша любит таджиков. Вернее, это Ай Вэйвэй ловит нас — любых, московских, берлинских, токийских, буэнос-айресских — на такой гадкой мысли. И когда на прошлую Documenta в Кассель Ай Вэйвэй взял и привез целую тысячу западных, дав им шанс попасть в сказочный западный мир, он ловил публику на том же. Он предъявляет нам фотодокумент, подтверждающий, что дешевая иммигрантская рабочая сила, разносящая газеты или хлопочущая на кухне в китайском ресторане, не просто безликая масса, она состоит из отдельных людей, не важно, кем там они потом окажутся, композиторами или дворниками. Отсюда и эти бесконечные автопортреты: Ай Вэйвэй, воспитанный китайской, увы, во многом близкой и России, дурной коллективистской традицией легко класть миллионы жизней во имя высоких государственных целей, словно бы отстаивает таким образом свое право на личность, на индивидуальность. То есть не только свое, но и наше, всеобщее право.